

Василенко Оксана Николаевна,
заведующая Сещинским музеем
интернационального подполья

КОНСТАНТИН ПОВАРОВ – РУКОВОДИТЕЛЬ СЕЩИНСКОГО ПОДПОЛЬЯ

Константин Яковлевич Поваров (на фото) родился в 1920 году в д. Бельской, в 5 км от станции Сещинская ныне Дубровского района Брянской области. Окончил 9 классов Сещинской средней школы. Вступил в комсомол. Затем учился в Воронежском офицерском училище, окончил его весной 1941 года в звании лейтенанта. По специальности был радистом.

В начале Великой Отечественной войны был на фронте. Вместе с сослуживцами попал в окружение. Удалось прорваться. С ними был раненый комиссар. Перед его кончиной Поваров рассказал ему о родном селе, о Сеще. И комиссар посоветовал ему идти на родину. «В Сеще аэродром. Ты комсомолец... Сам обдумаешь, что делать...»

Костя понимал, что в занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи. Создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Около полуночи в среду, 22 сентября 1941 года Константин Поваров подошел к родной деревушке Бельской, затерявшейся в овражистых полях. Долго копался под старым ометом соломы, пока не спрятал рацию. «Мать, увидев сына, заплакала: от него пахло сырой землей и кровью. Красноармейская шинель, в которую он был одет, вся истрепана, словно ее пропустили через мялку, в которой давят льняную солому. Даже пуговиц нет, вместо ремня – потрепанная брезентовая опояска... Бледные скулы над впалыми щеками, жесткая печать губ, на лбу тонкие, но уже заметные

морщины. Один рукав шинели разорван, виднелась голая рука, от запястья до плеча, мелкие раны сочились...»

Костя сразу же сообщил своим родным о решении пойти к немцам в полицию. Глаза отца потемнели, стали недобрыми. Отчужденно встретили взгляд Кости и дядя, и мать, а младшие братики словно испугались. Отец всю ночь курил, мать плакала. Вся семья только к рассвету заснула беспокойным сном. А утром, словно по уговору, пришел в дом Поваровых «дядя Коля» – Никишов Николай Артемьевич. Работал он колхозным агрономом, а когда пришли немцы, начал создавать агентурную сеть. С виду незаметный, с добрым простеньким лицом, улыбчивый и открытый для людей, он часто появлялся в деревнях, прилегающих к Сеще и Дубровке. Никто из немцев не обращал внимания на мастера, обслуживающего деревенский движок. Никто не знал, что коммунист Никишов был оставлен райкомом партии в качестве агентурного разведчика партизанских отрядов. Он подбирал людей, действующих в определенном направлении: Сещинском, Дубровском, Рославльском, Кричевском, Клетнянском, Пригорьевском.

Никишов на второй день узнал о появлении Константина Поварова в Бельской, а время для разведчика дороже всего на свете. Он уже все продумал, и, придя в семью, где его хорошо знали, был принят как свой человек. Именно он объяснил родным Кости необходимость внедрения в немецкую армию. И только теперь Константин Поваров неторопливо рассказал о людях, с которыми он уже связался. Упомянул своего двоюродного брата из деревни Яблонь Бориса Савекина, назвал врача Надю Митрачкову, учителя Андрея Кабанова. Оказалось, что и дядя Василий Северьянов уже в курсе. И только теперь Марфа Григорьевна облегченно вздохнула: «Совесть у нас одна. Все мы замешены одной бедой. Всем вместе нам и одолеть эту беду. Принимай, Костя, на свое сердце и плечи полицейскую тяжесть. Тяжел и труден твой путь. Будем помогать тебе...»

Стать полицейским? Все в душе Кости содрогается. Быть с этими продажными людьми, изменниками Родины, торгующими своей совестью ради немецкого пайка и возможности грабить своих людей? Выносить полные презрения взгляды односельчан? Какое мужество надо для этого? Дома под полом радиоприемник. Каждый час Родина зовет на борьбу с врагом. Сообщая в Москву сведения о Сещинском аэродроме, помогая бомбить его, где уже сейчас более двухсот самолетов, разве он не спасет жизнь тысячам советских людей?

Сещинский староста Гавриил Знаков, к которому Костя обратился за содействием, долго отмалчивался. Не знал Константин Поваров, что на эту должность Знаков вступил по заданию дяди Коли. Знаков был дальним родственником Поваровых, и мысль видеть кого-то из своих в полиции была ему противна. Староста переговорил с начальником полиции Коржиновым, и тот охотно согласился. Дело улажено. Советский лейтенант Константин Поваров превращается в полицая.

Нелегко далось ему это превращение. Жители Первомайской улицы п. Сеща видели, как долго Константин сидел на крылечке одного из домов, нервно курил папиросу за папиросой, потом решительно встал и пошел в полицейское управление.

Вот она, авиабаза фельдмаршала Кессельринга. Сюда танки Гудериана пришли 9 августа 1941 года. Однако овладеть полностью Рославльским шоссе фашистам не удалось. Очень сложная получалась обстановка: в Дубровке – немцы, а ниже, по Десне, километрах в десяти – части 50 Армии генерала М. Петрова (16 августа был образован Брянский фронт под командованием генерала А.И. Ерёмченко). Тяжелые бои шли ежедневно. Гитлеровцы рвались на Брянск, на Тулу, чтобы с юго-восточной стороны осадить Москву. Народ поднялся на великую битву, чтобы защитить от врагов свою землю, свое Отечество. Одни сражались в частях Красной армии, другие – в партизанских отрядах, третьи – в подполье. Цель у всех была одна – разгромить и прогнать врага. И эта благородная цель рождала небывалый энтузиазм, мужество и отвагу.

Уже в первые дни войны фашисты создали два фронта: один – истребительская война, другой – война идей. Они уже начали осуждать, шельмовать и просто грубо, дерзко уничтожать нашу культуру. Их цель – растлить душу советских людей, посеять панику, неверие, озлобленность, всеми мерами создать такую обстановку, чтобы выращивать корпуса предателей, палачей. И именно подпольщики должны терпеливо, настойчиво, ежедневно рассеивать фашистский обман, утешать, ободрять тех, кто сомневается, тех, кто потерял надежду, обнаруживать тех, кто отрекся от Родины, кто предал ее. Должны стать глазами и ушами партизан, действовать осмысленно и целесообразно, вести войну без выстрелов.

Константин Поваров начинает собирать вокруг себя верных людей. Первыми членами его подпольной группы стали родные Кости: отец Яков Николаевич, мать Марфа Григорьевна и живший в их семье сводный брат отца Василий Яковлевич Поваров-Северьянов. Вскоре в группу Поварова вошли два очень ценных подпольщика. Это были рабочие-коммунисты братья Никифор и Семен Антошенковы. Шофер Никифор Антошенков стал полицейским вместе с Поваровым, а Семен превратился в трубочиста. Эта безобидная, на первый взгляд, должность была удобной для разведки: трубочист мог легко засидеться на кухне, поговорить с солдатами, что-то подсмотреть, а иногда и приемник послушать.

Теперь остро встал вопрос о переселении Кости Поварова в Сещу. Ведь жить дома, в Бельской, неудобно. Много можно прозевать. Костя снял комнату в большом доме у Анны Антошеновой в Сеще. Горячее чувство любви связало Константина с молодой женщиной. Аня прекрасно пела и плясала. Живая, остроумная, она вскоре стала желанной гостьей на всех пирушках полицейских. Она быстро освоилась и вошла в свою роль. Начальник полиции, бывший грузчик, 28-летний Константин Коржинов, усиленно волочился за веселой солдаткой. Аня смеялась: «Перепьют

полицейские и начинают хвастаться своими прошлыми и будущими делами. А мне, как разведчице, только того и надо».

Костя редко ходил на эти вечеринки. Спокойный, выдержанный, всегда вежливый и исполнительный, он пользовался авторитетом у немцев, и вскоре очень сдружился с главным переводчиком комендатуры Отто Геллером, на угощения которого он не жалел денег.

Много разведанных шло к Поварову, но не всегда была возможность передать их через линию фронта. К 1942 году положение начинает меняться, завязываются связи с другими патриотическими группами, и прежде всего с большим Дубровским подпольем. В декабре 1941 года директор Радичской школы Андрей Иванович Кабанов становится заведующим отделом культуры в Дубровской фашистской райуправе. Это он связал Константина Поварова с руководителем Дубровского подполья, учителем черчения и труда Дубровской средней школы Алексеем Павловичем Сергутиным, работавшим в райуправе инспектором по всем мельницам района и наладившим снабжение партизан мукой с многих мельниц. Поле деятельности Константина значительно расширилось.

В деревне Яблонь, в 6 км от Сеци, жил двоюродный брат Константина, бесстрашный подпольщик Борис Савекин. Он связал Костю с патриотической группой, созданной в этой деревне учительницей Анной Ильиничной Павловой. И в декабре 1941 года Поваров и Антошенков с белыми повязками полицейских на рукавах на лыжах приезжали в Яблонь якобы за тем, чтобы купить там сено. Но с Павловой они встретились уже после смерти Бориса. Кто-то из полицеев заметил его с партизанами. Вскоре фашисты без всякого суда и следствия расстреляли Бориса. Это была тяжкая потеря, и Костя клялся себе, что никогда не простит фашистам ни смерти Бориса, ни тысячи других смертей.

Костя Поваров тщательно укреплял подполье. Сергутин Алексей Павлович работал в немецкой управе главным мельником, имея пропуск, ездил по деревням и селам, встречался с нужными людьми, собирал информацию, передавал ее Поварову. Николай Артемьевич Никишов часто бывал в доме Поваровых, приносил листовки и мины, забирал свежие данные.

Василий Власов ежедневно принимал по радио сводки Совинформбюро. Читали их и на деревообрабатывающей фабрике, где работали Храмченков, Перхунов, Степанов. Они расширили круг надежных людей, среди которых регулярно зачитывались сводки Совинформбюро и советские газеты, привозимые от партизан рябчинским мельником Лучиным.

Надежда Митрачкова работала в немецкой управе врачом в Радичском медпункте под руководством районного врача, дубровского подпольщика Грабаря. Лечила партизан, до выздоровления прятала их у себя на чердаке, передавала в партизанский отряд медикаменты, выдавала Поварову больничные листы, и это давало ему возможность заниматься подпольной работой днем – встречаться с подпольщиками, ездить в Рогнедино и

встречаться с Пономаревым, бывшим школьным инспектором, теперь передовым в округе бургомистром. Поваров знал, что Пономарев принял свою должность по заданию Рогнединского партизанского отряда и уже проявил себя опытным разведчиком.

В январе 1942 года 10 Армия заняла Киров Калужский. Теперь армейским разведчикам стало легче проникать на оккупированную фашистами территорию. По одиночке, по двое, даже целыми группами они переходят линию фронта и пробираются к Сещинскому аэродрому. Партизанская и армейская разведка хорошо знала дом Поваровых. Дверь дома, выходящая в сад, никогда не закрывалась на ночь. Марфа Григорьевна рада была, что наконец-то принимает участие в большом деле, которому посвятил себя ее любимый сын.

Все разведчики, приходившие в дом Поваровых, находили здесь радушный прием, для всех было раскрыто доброе сердце Марфы Григорьевны. Разведчица Зина Антипенкова вспоминала: «Бывало, приползем мы с Шурой Черновой к тете Марфуше мокрые, грязные, голодные. Она нас обмоет, обогреет, накормит, а главное, ласковым словом утешит, успокоит...»

Разведчики дали Марфе Григорьевне подпольное имя «Мать». Многие говорили, что она похожа на «мать» Горького, потому что так же, как и она, отдала всю свою душу тому большому делу, которое составляет весь смысл жизни ее сына. Она прекрасно понимала, какая грозная опасность нависнет над всей семьей, если немецкие холуи заметят, что к ним в дом по ночам приходят советские разведчики. А всего за два дома от них жил староста деревни, уже несколько лет враждовавший с Поваровыми.

В январе 1942 года Константин Поваров установил тесную связь с разведчиком отряда «Славный» Григорием Харитоновичем Сафоновым, который стал часто бывать в доме Поваровых, приносил листовки, забирал важные сведения, а весной 1942 года обратился с просьбой достать «языка» – человека, хорошо знающего все, что делается в Сеще на аэродроме. Константин узнал, что один из Сещинских переводчиков будет пьянствовать в доме полицейского в небольшой деревушке возле Дубровки. Поваров и Сафонов тоже пришли в гости, споили хозяина и переводчика до потери сознания, потом связали «языка», и Григорий Сафонов увез его в отряд, а оттуда он на самолете был переправлен в Москву.

В феврале 1942 года восстанавливается Дубровский партизанский отряд, разбитый и рассеянный по группам при прорыве немцами фронта на Десне в начале октября 1941 года. Константин Поваров уже в феврале устанавливает с ним связь и вскоре передает политруку одной из рот Николаю Михайловичу Демичеву план аэродрома с указанием мест стоянки самолетов. На карте, привезенной Поваровым, значились все гарнизоны, полицейские станы, участки, сколько в них вражеских солдат, помечены были дома старост-предателей, наиболее злобных полицаяв, приговоренных

партизанским судом к смерти. Помечены были и дома партизанских семей, остро нуждающихся в материальной помощи.

Семьи Поваровых и Морозовых еще до войны знали друг друга. И когда еврейке, укрывавшейся в доме Морозовых, Анне Пшестелепец угрожала опасность, Аня Морозова увела ее из Сеци в Бельскую, где ее спрятала Марфа Григорьевна в своем доме.

В 1941-1942 годах Константин Поваров часто встречался с Анной Морозовой. Встречи эти проходили в доме Марии Титовны Антошенковой. Иногда они были заранее назначены, а порой приходилось посылать сынишку Антошенковой за Поваровым. Константин, как опытный разведчик, давал Ане указания по работе и получал от нее сведения. На квартире у Поварова в Сеце они никогда не встречались, так как свекор и свекровь Ани Антошенковой неприязненно относились к Косте, поэтому им не доверяли. Надо было скрывать от них встречи Поварова и Морозовой. Ни один человек из обеих групп, кроме Марии и Никифора Антошенковых, не подозревал об этих встречах.

С поляками Поваров стал работать раньше, чем Морозова. С марта 1942 года связным с ними был Иван Иванович Куцанов. Он часто под видом семейного праздника приглашал к себе поляков для обсуждения планов совместной работы. А многие жители Сеци видели Поварова, катающегося на велосипеде вместе с поляками в небольшой дубовой роще за поселком. Все эти прогулки использовались для деловых переговоров.

Когда нужно было знать, что делается в Рославле, врач Надежда Игнатьевна Митрачкова брала пропуск к родным своего мужа и там встречалась с Любовью Владимировной Олимпиевой, своей довоенной знакомой, подпольщицей из группы Григория Ивановича Иванова. Обе они потом были расстреляны в Рославле в одну и ту же ночь летом 1943 года.

В марте 1942 года началась совместная работа с присланным из Москвы разведчиком – лейтенантом Василием Васильевичем Алисейчиком. С ним были еще три человека: радист Сергей Школьников и комсомолки-разведчицы Зина Антипенкова и Шура Чернова, ранее работавшие в отряде Владимира Рябка.

В мае 1942 года был освобожден весь Рогнединский район. На освобожденной территории были восстановлены партийные и советские органы, колхозы. Рогнединский бургомистр уехал вместе с немцами под Гобики. Машину захватили жирятинские партизаны. Узнав, что это Пономарев, тут же расстреляли его. Никаких документов о том, что он на подпольной работе у Пономарева не было. Так погиб ценнейший для Родины разведчик. Никто не знает, где могила патриота. Его хоронили немцы вместе с трупами своих солдат, но лежит Пономарев честным и чистым перед своим народом.

После этого случая многим подпольщикам были выданы партизанские справки. Но и они, попади в руки фашистов, могли послужить причиной

гибели. Взял «шелковку» и Поваров. Тогда никто и не мыслил, что эта «шелковка» станет причиной гибели подпольщиков.

1 мая 1942 года началось большое партизанское наступление. Были освобождены многие деревни Дубровского и Рогнединского районов. Немцы и полицейские бросились спасаться в Сещинскую. Даже деревня Яблонь в 6 км от Дубровки оказалась свободной. Около нее и обосновалась группа Алисейчика, установив там рацию для связи с Большой Землей.

Но «Малая Земля» существовала недолго. Около 20 июня фашисты, собрав большие силы, перешли в наступление. Запылали села около Десны. Партизаны с большими потерями должны были отступить, поэтому связь с ними у Поварова и его группы была временно потеряна. В это время Василий Алисейчик и Сергей Школьников, заболевшие сыпным тифом, спрятались в лесу. Партизанам с трудом удалось их вывезти и отправить на Большую Землю. Школьников вскоре умер, а Алисейчик потом долго продолжал работать разведчиком в Белоруссии.

В эти трудные дни тяжело раненный партизан Дубровского района Николай Евсеевич Ширшнев попал в дом к Поваровым. Марфа Григорьевна и Яков Николаевич дали ему приют, зная, что за укрытие раненого партизана им грозила смертельная опасность. В сарае в сене они устроили комнату, куда три раза приходила врач Надежда Игнатьевна Митрачкова. Марфа Григорьевна меняла повязки, кормила больного, ухаживала за ним.

Вдруг в Бельскую неожиданно приехал Никифор Иванович Антошенков и сообщил, что в полицию подан донос о том, что Поваровы прячут раненого партизана. Сам начальник полиции Коржииков собирался произвести обыск по всей деревне, начиная с дома Поваровых и их родственников Кузнецовых, сын которых Николай был в партизанском отряде. Звание старшего полицейского не избавляло Константина от слежки за ним тайных агентов гестапо. Яков Николаевич и Миша Поваров быстро переправили Ширшнева в Коханово, и полиция никого не обнаружила в Бельской.

С мая 1942 года начинается усиленная бомбежка Сещинского аэродрома советской авиацией. У группы Поварова появляется новый вид работы: надо сообщать в штаб армии результаты этих бомбежек. Сам Константин и Никифор Антошенков еще легко могут проходить на аэродром. Костя даже проводит туда разведчиков. Два раза он проходит по дороге к больнице вместе с разведчицей Шурой Черновой, изображая флиртующую пару. Были случаи, когда он проходил на аэродром вместе с партизанским разведчиком, одетым в немецкую шинель, под которой была советская форма.

К подсчету разбитых при бомбежке фашистских самолетов привлекают отца и дядю Константина. Фашисты по наряду сгоняют население на ремонт аэродрома. И тут одноногий Яков Николаевич проявляет «фашистский патриотизм». Он добровольно приезжает на аэродром на лошади на работу, захватив с собой своего 15-летнего сына

Мишу и двух мальчишек-подростков Семена и Николая Митрачковых, – братьев врача Надежды Игнатьевны. Немцы не обращают внимания на то, что во время перерывов мальчишки бегают по аэродрому. Юные подпольщики подсчитывали количество совсем разбитых или только поврежденных самолетов, что было важно для Красной Армии.

Константина очень тяготил временный перерыв связи с разведчиками из-за Десны. Разведчицы группы Алисейчика Зина Антипенкова и Шура Чернова не могли вернуться обратно в пославший их отряд Владимира Рябка, так как немцы стояли по Десне. Целый месяц с помощью Поварова они вынуждены были скрываться. Зина жила в Радичах в семье Митрачковых, разыгрывая из себя дальнюю родственницу-полудурочку. Наконец Поварову удалось перебросить ее, А.И. Чернову и Н.А. Никишова в отряд Ф.С. Данченкова. Они пришли туда 2 июля 1942 года. Н.А. Никишов связал Ф.С. Данченкова с Поваровым. И хотя связь с задеснянскими партизанами позднее восстановилась, но с этого времени работа К. Поварова идет с 1 Клетнянской партизанской бригадой. Сам Данченков три раза встречается с Никифором Антошенковым и Константином Поваровым в д. Струковка в доме агентурного разведчика Елизара Терентьевича Полукова. Часто туда приходили Шура Чернова и Зина Антипенкова, и Костя передавал им собранные сведения.

Другой канал связи идет через братьев Антошенковых и жену Семена Ивановича Евдокию Федоровну. Сведения из Сещинской передаются в Сергеевку учительнице Анне Корнеевне Седенковой, а она передает их в Струковку Елизару Полукову. Разведка работает активно. Получив от подпольщиков точный план расположения самолетов, горючего и боеприпасов, советские летчики все чаще появлялись над аэродромом. После каждой бомбежки Поваров сообщал Данченкову результаты. Их передавали поляк Ян Маньковский и чех Ванделин Робличка. Завязалась цепочка – поляки передавали Морозовой, она – Поварову, он – дубровцам, а Сергутин, имея пропуск свободного передвижения по району, встречался с Данченковым и его разведчиками.

Через Отто Геллера Костя Поваров узнал, что в партизанский отряд гестапо отравило двух русских. Их страшно избивали, затем анестезировали и опять избивали. Они должны были убить Коршуна (Данченкова), тогда их родных отпустят и определят на хорошую работу. Костя отправил брата Мишку в Алешню к Митраковичу, чтобы тот предупредил Сергутина, а Сергутин – Данченкова.

Еще с весны 1942 года расширилась связь Поварова с деревнями в сторону Рославля – Сеславлем, Мирошками, Долгим. Два раза Константин сам проводил политбеседы с надежными людьми в овраге у Сеславля. Устанавливается тесная связь с Григорием Кимовичем Цацуриным, Дмитрием Ивановичем Барановым и минером-окруженцем Иллариончиковым из д. Долгое.

Тяжелые часы пришлось пережить Косте Поварову, когда его арестовали после захвата партизан у д. Узкое, где был лагерь военнопленных. В этот день была назначена встреча Поварова с партизанами. Все как будто бы было предусмотрено, но какой-то предатель сумел донести об этом в гестапо. Поварова арестовали, но его выручил чех В. Робличка, работавший в комендатуре, и главный переводчик Отто Геллер, не желавший терять такого щедрого «друга», как Поваров, постоянно устраивавший ему пирушки на полученные от партизан марки. Благодаря им, Константин легко доказал свою невиновность и был освобожден.

В августе-сентябре 1942 года Константин вместе со своей группой проводит ряд диверсий при помощи мин нажимного и натяжного действия с большим количеством тола. Поваров помогает товарищам доставлять эти мины к заранее назначенному месту, а ночные подрывники закладывают их там, где надо. Иллариончиков был опытным минером, и ему удалось спустить под откос железнодорожный эшелон, а Куцанову – взорвать небольшой мостик у Пригорья, тоже на железной дороге. Несколько немецких автомашин было взорвано на проселочных дорогах. И вдруг

неожиданная

катастрофа...

23 сентября 1942 года были убиты взрывом мины на дороге за Струковкой Константин Поваров и Елизар Полуков, у которого Костя остановился на ночлег. Ночью партизаны из отряда Данченкова заминировали дорогу на Деньгубовку. Это были те ребята,

которым было поручено сорвать вывоз картофеля в Сещу, – ведь картошка была партизанским хлебом. Рано утром из Сергеевки шла крытая немецкая машина и наскочила на мину. Немцы поняли, что дорога заминирована и в других местах. Тогда они пришли в село и выгнали все население на поиски мин, в том числе и Полукова с Поваровым. Трое мужчин решили пустить по дороге лошадь с бороной – на длинных вожжах, чтобы от взрыва не пострадал правящий ею человек. Но тут подошел солдат с миноискателем и, видимо, не доверяя крестьянам, сказал, что сам проверит дорогу. В это время из Деньгубовки шел обоз с картошкой – немцы забирали продукты и в глубинных селах. Совсем недалеко от передней лошади миноискатель показал, что здесь заложена мина. Надо было осторожно отвести лошадь от

опасного места, чтобы снять найденную мину. Крестьяне боялись подходить, а немцы толкали их прикладами в спину. Поваров и Полуков, видя, что могут быть большие жертвы, остановили крестьян и решили сами вывести лошадь. Поваров встал с одной стороны, Полуков – с другой. Но посреди дороги оказалась зарытой вторая мина. И едва лошадь, которую Полуков взял под уздцы, сделала шаг, как мина взорвалась. Лошадь с возом подняло в воздух и отбросило в сторону. Полукову оторвало обе ноги и всю нижнюю часть туловища. Поваров же был убит взрывной волной. Немцы разогнали людей, взяли подводу и, положив в нее трупы, отправили в Сергеевку.

В семье Поваровых в это время находились наша подпольщица Павлова и разведчица 10-й армии Прудникова. В дом вбежала Анна Антошенкова, вся в слезах и сообщила о гибели Кости. Родители ездили сначала в Струковку, а затем в Сещу, поэтому в Сергеевку они попали только к вечеру, где на кладбище обнаружили свежую могилу, в которой похоронили Поварова и Полукова вместе.

Анна Антошенкова стала расспрашивать крестьян об одежде Кости: она зашивала в плече пиджака «шелковку», которую выдал Данченков, подтверждающую, что Поваров Константин – разведчик Красной Армии. Поиски пиджака ни к чему не привели. Только на третий день она узнала от начальника полиции, что пиджак и все документы забрал агент СД «Черный Глаз» – Франц Миллер. Ему без усилий удалось доказать, что подпись Данченкова на кусочке шелка является подлинной.

Подпольщики Дубровки и Сещи к 1943 году в своих группах насчитывали уже свыше 150 человек. В этой большой группе очень сложно было обеспечить полную конспирацию. А фашисты усиленно старались внедриться в эти группы. Чудом удалось спастись только интернациональной группе подпольщиков во главе с Аней Морозовой. В этом была также большая заслуга Кости Поварова.

За семьёй Кости Поварова и членами его группы фашисты организовали круглосуточную слежку. В первую очередь под подозрение попал Алексей Павлович Сергутин. Как только ему сообщили, что немцы собираются его арестовать, он выехал в деревню Чёт, в которой партизанами были разыграны его арест и расстрел. Однако «Чёрный Глаз» этому не поверил, хотя руководители СС и гестапо были уверены, что Сергутина расстреляли партизаны.

Вместо Сергутина подпольную организацию стал возглавлять Андрей Иванович Кабанов. 8 марта 1943 года он выдал связному чистый бланк пропуска в Рославль, а через три дня Кабанов был арестован. 14 марта забрали его жену Ольгу с дочерью, старухой матерью и отправили в Рославль.

Главный врач Дубровки Грабарь, начфин управы Горбачёв, а с ними и ветврач Новиков, как только почувствовали, что за ними в любую минуту могут приехать фашисты, ушли в лес, к партизанам, но за них жестоко

расплатились родственники и друзья. Была замучена в Рославльской тюрьме Дороденкова, у которой жил Грабарь.

Служба СС совместно с гестаповцами обрушила внезапно жестокий удар по подпольщикам Дубровки, Сещи, Жуковки, Клетни, Рославля и окрестных деревень. Франц Миллер по указанию оберштурмбанфюрера СС Вернера проводил молниеносные аресты. Были схвачены Анна Антошенкова и два её брата, работавших вместе с Костей Поваровым до его трагической гибели, а также староста Сещи Зинаков, который настойчиво рекомендовал Поварова для работы в полиции. При обыске у Марфы Григорьевны нашли газеты «Правда», «Красная Звезда» и партизанскую газету «Мстители». Фашисты избили Марфу Григорьевну и заступившегося за неё сына Мишу. Ваню, другого сына, мать назвала соседским мальчиком и, лёжа на полу, указала ему дверь. Ваня всё понял и помчался в другую деревню к родственникам. Искалеченных мать с сыном отправили в тюрьму Рославля. Отец Поваровых, Яков Николаевич, инвалид, участник Гражданской войны, в это время портняжничал в соседней деревне. Его уговаривали не ходить в Бельскую, но его сердце не выдержало. Он успел только переночевать дома и на следующий день также был отправлен в Рославль, увезли и его брата.

В тот же день арестовали Надежду Игнатьевну Митрачкову, прекрасного врача, которая так много помогала партизанам медикаментами. Из всей семьи Митрачковой не взяли в этот раз только двух мальчиков, которые тяжело болели тифом. Взяли и Егора Лучина, мельника Рябчинской мельницы, через которого была организована цепочка по передаче срочных сведений командованию 1-й Клетнянской бригады. Вскоре забрали и Ивана Жарикова, работающего по восстановлению железной дороги. Он совершал больше диверсий, чем ремонта. Его сестра Настенька была арестована на следующее утро.

Марфу Григорьевну Поварову, её родственников, Митрачкову, Жарикова и других подпольщиков после невыносимых зверских пыток отвезли на кладбище Рославля и там расстреляли. Расстреляли также Якова Николаевича Поварова и его брата.

Прежде чем расстреливать, их пытали горячим железом, загоняли иглы под ногти, страшно избивали. А на Жарикове в поле тренировали овчарок.

Всего в тюрьме Рославля находилось свыше 700 человек. Те из них, кого не успели фашисты уничтожить, были заживо сожжены в этой тюрьме. Гестапо и служба СД во главе с Вернером стремились скрыть следы своего преступления от советского народа. Однако этого им не удалось. Из восьми человек, бежавших из тюрьмы, двоим удалось скрыться, никакие поиски с овчарками не смогли их обнаружить.

О трагедии семьи вскоре узнал старший сын Поваровых, Сергей. В это время он был курсантом танкового училища. Вот что он писал своей тёте:

«Милая тётя Шура! Несмотря на то, что меня не покидало в боях мужество, присущее воину РККА, всё же из глаз катятся слёзы, которые в данный момент вышли из моего подчинения... Мою мать, отца, Мишу

арестовали немцы и угнали неизвестно куда, так как семья была партизанской. В 1941 году Костя и Борис, наш двоюродный брат, вышли из окружения. Костя погиб патриотом своей Родины, взорвавшись на mine, похоронен в пятнадцати километрах от Сежи. Шестью месяцами раньше немцы зверски замучили Бориса за связь с партизанами, но он никого не выдал. Дядю Василия немцы угнали с обозом, его больше нет. Остался в живых единственный братишка Ваня. О! Милый несчастный мальчик! Вот единственное, что осталось после такой катастрофы... Несчастье никогда не изгладится в жизни. Вот что наделала нам война, инициатором которой был самый хищный из всех зверей в облике человека – Гитлер... Милая тётя Шура, я просил и тётю Тоню, чтобы она берегла и воспитывала Ваню, пока кончится война. Потом я возьму его к себе в армию.

Несколько слов о себе. До Отечественной войны я, как вам известно, работал на Кировской железной дороге строительным железнодорожным мастером. И когда враг вплотную подошёл к городу Петрозаводску, я устанавливал второй путь у самого Петрозаводска. В июне 1941 года ушёл партизанить в тыл к финнам. Одиннадцать раз ходил через кордон в тыл и два раза с воздушным десантом. Таким образом, я партизанил с июля 1941 года до октября 1942 года, пока не получил ранение, правда не тяжёлое, в правую ногу. Лежал в госпитале в Беломорске. В январе месяце 1943 года, по выздоровлении, меня направили учиться в танковое училище, где и нахожусь... Заверяю Вас, тётя, и всех тех, кто знает меня, что за своих родителей и родных я многократно отомщу, не пожалею здоровья и жизни для окончательного разгрома врага.

Вечная слава честно павшим защитникам Родины... Ещё раз клянусь перед всеми погибшими нашими родными мстить врагу до последней капли крови, до последнего вздоха Сергей Поваров».

Это было последнее письмо от Сергея Поварова. Он погиб как герой в начале 1944 года.

Ваня Поваров скрывался у родственников до освобождения Красной Армией Брянщины. Его воспитывали родные тётки, он отслужил в Красной Армии необходимый срок, затем жил в городе Петровске на Волге, Работал до 1991 года токарем ремонтного завода.

За заслуги перед Родиной Константин Яковлевич Поваров был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

В деревне Сергеевка находится могила героя (на фото), за которой постоянно ухаживают учащиеся Сещинской средней школы имени Константина Яковлевича Поварова.

17 сентября 1968 года в Сеще был открыт памятник героям Сещинского интернационального подполья (на фото). На высокой стеле, символизирующей складки развевающегося

знамени, изображены барельефы Константина Поварова, Анны Морозовой и героя польского народа Яна Маньковского. Четкие слова высечены на памятнике:
*«Вам, героям живым
И героям со славою
нашим,
Этот памятник наш и
наша любовь на
столетья.
В братстве русских,
поляков и чехов –
Ваше бессмертие».*